

Трансформация оснований логического диалога в пост-дэвидсоновской философии языка

С.В. Никоненко, Санкт-Петербургский Государственный университет
serg_nikonenko@rambler.ru

Исходной теорией диалога, которая обсуждается в настоящем докладе, выступает теоретико-игровая семантика, которая определяется нами как расселианская дескриптивистская модель с формализованными описаниями. Диалог в этой модели ведется носителями одного языка, разделяющими одинаковые эпистемологические критерии. Поэтому позитивистски понимаемая научная полемика или средневековый диспут суть идеальные случаи диалога в теоретико-игровой семантике. Относительно средневекового диспута можно заметить, что он ведется на догматически установленном теологическом языке и в рамках единой логической модели. Как отмечает Жильсон, не следует понимать средневековый диспут диалектически; речь в нем идет об уточнении догматов и достижении наиболее ортодоксальной интерпретации. В этой связи, средневековый диспут идеален как номиналистически ориентированная логическая модель диалога, но этот диспут не совсем удачный пример диалога, преследующего достижение выигрышной стратегии [2]. К тому же, реалистические критерии диспута здесь первичны по отношению к номиналистическим (т. е. собственно лингвистическим) критериям; это отмечает Рассел, указывая на первичность эпистемологических критериев дескриптивности в приписывании идеи существования и определении универсалий.

Формализация логического диалога в рамках идеального языка проводится за счет элиминации дескриптивных критериев за пределами языкового описания [1]. При последовательной реализации такой стратегии мы вполне можем достигнуть чисто контекстуального понимания позиции в диалоге. Куайн завершает номиналистические подходы к семантическому пониманию диалога, которые начаты Тарским, Лукасевичем, Лоренцем и другими лингвистическими формалистами. По Куайну, случай диалога в рамках одного языка – это всего лишь частный случай диалога. Если взять случай радикального перевода (т. е. участники диалога высказываются на совершенно разных языках), то оказывается, что каждый из участников этого диалога замкнут к индивидуальному контексту собственного языка и не может быть понят другим участником [4]. Куайновский диалог логически и лингвистически невозможен вследствие тотальности непереводимости; поэтому Куайн совершает натуралистический ход и ищет возможную синонимию в юмистком пространстве общих компонентов деятельности сознания и социально приемлемого поведения [3].

На наш взгляд, куайновский принцип непереводимости, во-первых, отменяет идеи теоретико-игровой семантики и, во-вторых, погружает теорию диалога в релятивистский кризис. Отметим, что некоторые радикальные прагматисты понимают диалог исключительно как «разговор», который ведется каждым участником на собственном языке, а ситуации взаимопонимания оказываются довольно случайными [5]. При этом, что особенно важно, куайновская стратегия диалога делает любые внеязыковые критерии внешними по отношению к собственно языковым критериям, т. е. ведется с позиций последовательного лингвистического идеализма.

Тут на логической сцене и появляется Дэвидсон, предложивший обоснованный выход из релятивистского кризиса в понимании диалога. Дэвидсон предлагает радикально переписать ответ на вопрос: Для какой цели ведется диалог? На наш взгляд, пост-дэвидсоновский диалог не преследует ни достижения выигрышной стратегии, ни замкнутости в собственной лингвистической позиции. Он направлен на достижение удачной интерпретации собеседника, что подчеркивается выдвинутым

им принципом Доверия [6]. Хотя этот прагматистский принцип совершенно вне всякой логики, он позволяет подвести критику перевода под новую модель диалога, в которой диалог понимается аналитически, но в рамках нео-герменевтической стратегии интерпретации, основанной на выстраивании общности «мира», который могут разделить участники этого диалога [9]. Позиция в диалоге понимается как интенция понять собеседника и быть понятым им, что обуславливает стратегию поиска точек соприкосновения и общности.

Поскольку критерии языка и мира участников диалога в большинстве случаев носят внутренний (internal) характер, то требуется нейтральный эпистемологический базис, к которому можно сводить различные языковые стратегии. Таким базисом оказывается нарратив, в рамках которого дефиниции того или иного индивидуального языка меняют свою сущность на метафорические описания [7]. Тем самым, оказывается, что, по выражению Гадамера, истину не может сообщать и передавать кто-то один [8]. Пост-дэвидсоновский диалог понимается не формально-логически, а, скорее, символически, - как выстраивание метафорического нарратива, в рамках которого радикальные позиции переописываются с точки зрения возможной общности. Допустим, что А. и В – участники диалога. А(В) – это то, что А готов понять и разделить у В. Соответственно Б (А) – это то, что В готов понять и разделить у А. Совпадение А(В) и В (А), как правило частичное, - это и есть предмет метафорического нарратива, вокруг которого выстраивается диалог. На мой взгляд, аналитическая теория диалога пока не может преодолеть следующее затруднение: А может понимать В, а В может понимать А с позиций разных эпистемологических и лингвистических установок. Вероятное решение затруднения – перевод самого контекста диалога из формально-логической в символическую сферу, когда диалог строится не по поводу языка, а по поводу опыта участников; но это потребует существенной реформы самой логики.

Так или иначе, в аналитической философии ни одна логическая модель не выстраивает «чистой» модели логического диалога, которая не опиралась бы на вне-логические критерии. Дэвидсоновская модель диалога представляется наиболее удачной, поскольку она находится по ту сторону дилеммы универсализма и релятивизма, к тому же убедительно демонстрируя позитивную стратегию достижения согласия и интерпретации. Однако символические критерии диалога, равно как и активное «вхождение» в аналитическую мысль континентальных феноменологических и герменевтических идей, приводит к существенной «эстетизации» диалога, к подмене формально-логических (т. е. чисто концептуальных) оснований основаниями эйдетическими (т. е. по своей сути относящимися к возвышенному опыту). Как мы полагаем, вопрос основания логического диалога – это вопрос метафизики, которая всегда уже вне логики. Но при этом нельзя не предположить и обратное: логика ведь, в свою очередь, может не принимать в учет метафизику.

Литература

1. Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. 1. М., Гнозис. С. 335, 351, 353, 397.
2. Хинтика Я. *Логико-эпистемологические исследования*. М., Прогресс. С. 276.
3. Куайн У.В.О. *Слово и объект*. М., Логос, Праксис. С. 13.
4. Куайн У.В.О. *Преследуя истину*. М., Канон+. С. 85.
5. Рорти Р. *Философия и Зеркало Природы*. Новосибирск, С. 116, 235, 278.
6. Дэвидсон Д. *Истина и интерпретация*. М., Праксис. С. 9, 18-19, 259.
7. Анкерсмит Ф.Р. *Нарративная логика. Семантический анализ языка историков*. М., Идея-Пресс. С. 9, 116, 291.
8. Гадамер Г. Г. *Актуальность прекрасного*. М., Искусство, 1991. С. 4.
9. Kripke S. *Naming and Necessity*. Oxford, Basil Blackwell, 1980.